

СРАВНИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Настоящая работа посвящена проблемам трансформации институциональных матриц, составляющих основу социально-экономических систем (СЭС). С позиций системного подхода, предполагающего в рамках данного исследования синтез историко-экономической науки и эволюционной экономики, теории институциональных матриц и теории систем, а также принципов философии и обществознания, проведена историко-экономическая реконструкция и на ее основе смоделированы трансформационные процессы в системе базовых институтов социума, позволяющие делать заключения прогностического характера относительно возможных векторов дальнейшего развития СЭС. Выявленные закономерности коррелируются с имеющимися историко-статистическими материалами и научными выводами других исследователей.

На всех этапах развития социально-экономических систем – цивилизаций, стран, регионов, от зарождения социальных наук – философской, исторической, экономической и до современности, общество накапливает и развивает знания о самом себе в надежде на грядущее процветание.

Современный взгляд на истории государств и населяющих их народов на протяжении обозримых столетий, основанный на этом интегральном знании, обнаруживает, что они являют собою не просто череду событий, сменяющих друг друга на часах Вселенной, но уникальный симбиоз социальных, политических и экономических процессов, имеющих как различную продолжительность, так и значение для самой Истории. Есть основания утверждать, что неповторимость этих явлений предопределена своеобразным «генетическим кодом» каждого социума, т. е. его институциональной основой. Отсюда – уникальное своеобразие исторического прошлого каждой страны, особенности настоящего и своя траектория будущего. И поскольку безальтернативно только прошлое, последнее возможно обозначить во множественном числе – «траектории».

По понятным причинам именно эти векторы дальнейшего развития социально-экономических систем (СЭС) и представляют научный и практический интерес для современников. При этом со все большей очевидностью (благодаря развитию эволюционистских наук) становится ясно, что ключи к решению этих задач закодированы и находятся в прошлом. И нужно непременно

«пройти» несколько предшествующих «уровней», как в современной компьютерной игре, чтобы всесторонне обеспечить выбор дальнейшей стратегии продвижения.

Настоящая работа является попыткой моделирования трансформации социально-экономических систем различного уровня на основе методологии сравнительного (компаративного) анализа и реконструкции историко-экономических процессов и событий, как «по вертикали» (т. е. в историческом «срезе» той или иной цивилизации, страны, региона), так и по «горизонтали», т. е. на уровне конкретной, как правило, «знаковой» исторической эпохи.

Все чаще ученые обращаются к проблемам развития общества с позиций системного подхода, поэтому теоретической основой данного исследования является синтез историко-экономической науки и эволюционной экономики, теории институциональных матриц и теории систем, а также принципов философии и обществознания.

Синергетический эффект, достигаемый за счет такого синтеза, позволяет выявить закономерности и особенности процессов формирования и эволюции институциональных матриц (базовых институтов) различных социально-экономических систем, т. е. институтогенез мировых, национальных, субнациональных систем, а верификация полученных результатов обеспечивается сравнением описываемых моделей трансформации СЭС с параметрами их динамических рядов, опубликованных в научной литературе. Совокупный результат исследования может служить научной осно-

вой для прогнозирования или проектирования направленности векторов дальнейшей эволюции соответствующей системы.

I. Теоретико-методологический концепт исследования и архитектура базовой основы СЭС

Колоссальный теоретико-методологический потенциал экономической истории, определяющей, в частности, базовый концепт нашего исследования, подчеркнут Нобелевским лауреатом (1972) Дж. Хиксом в его известной работе «Теория экономической истории» (1969): «Наш анализ в одном измерении охватывает весь мир, а в другом – историю человечества... от первобытной эпохи... до сегодняшнего дня... границы еще во многом неизвестного будущего»¹. Там же он справедливо и закономерно называет эту науку «местом встречи» и дискуссий экономистов, политологов, юристов, социологов и историков.

Сложность комплексного исследования, обусловленная его многоплановостью и многослойностью, требует использования адекватного категориального аппарата. Из теории систем известно, что система в общем виде представляет собой «совокупность элементов, находящихся в связях между собой и образующих целостное единство»². Главными системообразующими признаками, характеризующими систему (т. е. определяющими ее вид и тип), являются ее структурно-образующий элементный состав, или базовая основа, а также его интегративные (т. е. объективно объединяющие) качества и внутрисистемные связи.

Как известно, теория системного анализа, имеющая естественнонаучные корни, пройдя апробацию в различных научных сферах, успешно себя зарекомендовала и как научное направление синергетики экономических систем. Это качественно пополнило «портфель» понятийного аппарата и историко-экономического исследования, в частности дав объяснение механизмам трансформации систем вследствие возникновения и нарастания влияния доминантных аттракторов системы или переход через точки бифуркации и др.

Современная теория институциональных матриц³, используемая нами в качестве ключевого элемента компаративного анализа СЭС раскрывает суть «генетического кода» социально-экономических систем – системообразующую институциональную матрицу, ее генезис и эволюцию.

Наконец, общепринятые принципы философии гуманитарного мира и цивилизационный подход в его изучении позволяют дополнить модель трансформации социально-экономических систем важными составляющими общецивилизационного, кросскультурного порядка.

Изучение структуры различных социально-экономических систем позволяет получить представление о своеобразном «генетическом коде», лежащем в их основе. Это известная триада «базовых» институтов – социальных, политических и экономических – институциональная матрица, составляющая основу СЭС любого порядка (мировых, национальных, субнациональных). На ней основана вся «пирамида» социума, а потому ее трансформация неизбежно ведет к переменам в «надстройке».

Зарождение институциональных матриц происходило везде одним путем: сначала появлялись социальные институты (протоинституты), отражавшие новые родоплеменные, общинные отношения, уравнивавшие всех членов общности древних людей. Неолитическая община жила установившейся жизнью, не испытывая экзогенного воздействия, каждый ее член принимал решения в соответствии с отведенной ему традицией ролью, функцией. Внешние угрозы (нападение недружественного племени, природные катаклизмы, неурожай и др.) вызывают выход системы из состояния равновесия и ответную защитную реакцию, первая из которых – объединение вокруг сильной личности, способной принять ответственное решение. Эта функция характеризует т. н. общественный выбор, способствующий созданию зачатков системы управления – протоинститутов власти. В результате объективно выявляющегося неравенства (кто-то «сильнее», «активнее», «прозорливее» и т. д.) создались политические институты власти жрецов, вождей, конунгов, князей

и др. (наследуемые, выборные и т. д.) и, наконец, экономические институты прарынков: а) «потребительского» – одежды, предметов быта, ухода за животными; б) оружия – луков, стрел, наконечников, рогатин и др.; в) «денег» – костяных, каменных, бронзовых, железных пластин, монет и др.

Созданная в ходе исторического развития институциональная основа обеспечила в конечном итоге «складывание» первых социально-экономических систем – государств. Однако Божественное Провидение или природно-климатические условия (в т. ч. неравномерный по географии и продолжительности ледниковый период) привели к асинхронности формирования базовых институтов различных государств. При этом каждая образовавшаяся социально-экономическая система, находясь в конкретных исторических условиях, диверсифицировалась, применяясь к этим условиям. В одних случаях более успешно, в других менее успешно. В конечном итоге мировой человеческий социум сформировал дифференцированную самонастраивающуюся систему, каждое звено, частица, субъект которой шел своим путем развития, опираясь на свою систему ценностей, заданную своей институциональной матрицей, оказывая при этом безусловное влияние на окружающий мир. «Социальная эволюция – не что иное, как процесс отбора и приспособления образов мышления под воздействием обстоятельств совместной жизни людей. Приспособление образов мышления – это и есть развитие институтов»⁴.

Методология исследования предмета научного интереса – институциональных матриц СЭС в их эволюционной трансформации требует ряда определений, формализации и ограничений. Известный понятийный аппарат описывает системообразующие институты социума (по Нортю) как дихотомическую совокупность правовых норм и правил поведения агентов в соответствующем диапазоне целеполагания: в социальной, политической или экономической сферах. «Институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения

определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен»⁵. Это ключевой концепт нашего исследования, т. е. от того, какова институциональная основа СЭС и как она эволюционирует, в решающей степени зависит весь процесс социально-экономического развития общества. Таким образом, история развития социально-экономических систем – «это прежде всего история институциональных изменений»⁶.

Институты, соответствуя иерархическому уровню системы, могут иметь макроэкономический, мезоэкономический, микроэкономический и наноэкономический уровень. Именно эта совокупная многослойность и многогранность институциональной архитектуры социумов, а также транзитивный характер экономических процессов обуславливают необходимость исследования СЭС как нелинейных систем с применением методологии синергетики, позволяющей описывать неравновесные состояния любых систем, в том числе общественных, – в многомерных координатах мирового сообщества, обуславливающих к тому же мощное экзогенное воздействие⁷. Применение принципов синергетики, основанных на эвристических методах исследования, для анализа социально-экономических систем позволяет приблизиться к пониманию механизмов взаимодействия и взаимного влияния ее системообразующих элементов. Становится понятным, что множественность разнонаправленных связей и действий субъектов права в рамках СЭС, т. е. хаос, проявляющийся в виде мотивированных и немотивированных флуктуаций подсистем и элементов системы, может выступать способом перенастройки системы через акселерацию доминантных качеств ее отдельных аттракторов, отражающих в целом вариативность эволюции системы. Амбивалентная природа хаоса, т. е. его созидательное и разрушительное воздействие, объясняет неустойчивую природу СЭС, ее нелинейность и механизмы происходящих в ее рамках процессов автокаталитического типа, приводящие к деформациям социально-экономических систем – конструктивно-го или разрушающего типа.

Сочетание компаративного историко-экономического анализа различных социально-экономических систем с возможностями синергетики позволяет подметить и описать процессы образования нового качества системы, носящего на момент его формирования эмерджентный, т. е. невыводимый из наличного, непредсказуемый характер. Становится ясно, что все «новое» уже заложено в потенциальных параметрах структур – аттракторах, обеспечивающих системе выход на одну из возможных траекторий после получения «возбуждающего» резонансного воздействия со стороны хаотической среды СЭС. Но что еще более важно, реконструкция этих процессов трансформации сложных СЭС наверняка поможет «подобрать ключи» к рекомендациям прогностического характера.

В целях «чистоты» компаративного анализа исследуемых объектов определимся в части применяемого в настоящей работе понятия «социально-экономическая система» (СЭС). Как известно, под «системой» понимается совокупность элементов, находящихся в неких связях между собой и образующих целостное единство и обладающих совокупностью системообразующих признаков: интегративными качествами, функциональной взаимосвязью и взаимодействием, ресурсным обеспечением и механизмами обратной связи. Социально-экономическая система – это сложившаяся мировая, национальная и субнациональная структура – общность людей, обладающая признаками государственности, т. е. имеющая сформировавшуюся в той или иной степени систему базовых институтов – социальных, политических и экономических.

Следуя логике функционально-структурного подхода, экономические институты определяются как «общественно признаваемые функционально-организационные формы коллективной экономической деятельности, через которые реализуются системные функции экономики»⁸.

Под социальными институтами понимают прежде всего те созданные людьми устойчивые формы совместной деятельности, которые являются непосредственными объек-

тами социальной политики государства. Социальные институты – это организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества⁹. При этом под общественными ценностями понимают разделяемые цели и идеи, под общественными процедурами – стандартизированные образцы поведения в групповых процессах. Система социальных связей – сплетение ролей и статусов, посредством которых это поведение осуществляется и удерживается в определенных рамках. Важнейшим атрибутом цивилизации, этноса, собственно, определяющим ее самоидентификацию, является культура. «Причем культура не в распространенном понимании как сфера духовной жизни – образование, литература, музыка, живопись и т. д., но как совокупность всех областей деятельности и духовного бытия человека. Все эти области регулируются соответствующими ценностными установками»¹⁰.

Формирование и материализация власти и политической силы происходит путем политических институтов.

Считается, что сформировавшаяся институциональная основа предполагает наличие как минимум следующих категориальных «индикаторов»:

а) для социальной сферы – это институты: – семьи, этносов, конфессий, гражданского общества;

б) для политической сферы – институты: – властных полномочий, армии и карательной системы, внешней политики, социальной политики (образования, здравоохранения и др.);

в) для экономической сферы – институты: – собственности, денег, фискальной системы, рынков.

Поскольку, как известно, «всему есть начало и всему есть конец», что подтверждается множеством примеров рождения, расцвета и разрушения цивилизаций (А. Тойнби), мы считаем необходимым внести в методологию исследования следующее ограничение. Корректным и, главное, более целесообразным будет, с точки зрения нашего концепта полной реконструкции конкретных

СЭС в целях определения «ожиданий» или выработки рекомендаций прогностического характера, что объектами компаративного анализа должны быть системы, сохранившие признаки государственности в настоящее время. Это, как правило, европейские государства и Россия, «складывание» которых произошло в эпоху раннего Средневековья, а также древние государства Востока например, Китай. Думается, что схема: Запад – Россия – Восток, или иначе Европа – Россия – Азия, – это наиболее продуктивный путь изучения основных мировых тенденций трансформации социально-экономических систем.

В то же время отмеченная ранее и вполне объяснимая асинхронность процессов формирования («складывания») государственных систем дает не только хорошую «пищу для размышления» о путях развития цивилизаций и стран, но и во многом объясняет корни возникновения тех или иных институтов в образующихся на смену «ушедшим» государственных новообразованиях.

II. Историко-экономическая реконструкция формирования институциональных основ исследуемых СЭС

Историки и экономисты, философы и политологи, социологи и культурологи множества стран внесли неоценимый вклад в исследование процессов цивилизационного развития мирового сообщества, обнаруживая и складывая в мировую сокровищницу все новые и новые крупницы познания социума и законов его эволюции.

Эволюция самих знаний об обществе и его социально-экономической динамике хорошо видна из анализа научных трудов выдающихся ученых мира: А. Алчияна, Н. Бердяева, М. Вебера, Т. Веблена, В. Вернадского, Дж. Гелбрэйта, Н. Данилевского, В. Зомбарта, В. Ключевского, Н. Кондратьева, И. Кулишера, Т. Мальтуса, К. Маркса, Д. Мережковского, Дж.С. Милля, Д. Рикардо, В. Соловьева, П. Сорокина, Т. Спенсера, А. Тойнби, М. Туган-Барановского, В. Ульянова (Ленина), Ф. Хайека, Дж. Ходжсона, О. Шпенглера, а также современников рубежа XX-XXI вв.: Л. Абалкина, А. Агеева, Ф. Броделя, Дж. Голдстоуна, Л. Гумилева, Т. Заслав-

ской, О. Иншакова, Р. Камерона, Я. Корнай, С. Кирдиной, Г. Клейнера, Б. Кузька, Д. Львова, Д. Лихачева, В. Макарова, А. Некипелова, А. Нестеренко, Р. Нуреева, В. Полтеровича, И. Пригожина, В. Радаева, М. Ростовцева, С. Роузфилда, В. Рязанова, Д. Сорокина, В. Тамбовцева, Н. Федоренко, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, А. Шаститко, Ю. Яковца.

Адаптация современной российской научной мыслью новых научных направлений социально-гуманитарных и экономических наук не только расширила горизонты познания, но, главное, умножила его исследовательский инструментарий. Исключительно большое знание для этого процесса имеют эволюционистские теории, в частности институциональная экономика, также подчеркивающая принцип «path dependence» и прошедшая путь от «классического» («старого») институционализма Т. Веблена до его принципиально иной ветви современного неинституционализма, вооруженного уже методологическим инструментарием неоклассического синтеза. Все это в значительной мере приближает исследования к более основательному, глубинному пониманию трансформационных процессов в социально-экономических системах. Однако многие научные публикации, посвященные исследованию тех или иных сторон этого многогранного процесса, чаще всего представляют собой фрагментарный анализ и описывают лишь частные случаи взаимодействия институтов социума в различных точках эволюционной спирали человеческой цивилизации.

Опираясь на известный научный опыт, мы предприняли попытку историко-экономической реконструкции процессов формирования и эволюции институциональной основы социально-экономических систем (предмет нашего исследования), в целях моделирования трансформационных процессов.

Всемирная история характеризуется, с одной стороны, безусловным единством процессов и тенденций прогрессирующего развития человеческих общностей и в то же время примерами расцвета и заката отдельных цивилизаций и народов подтверждает факт цикличности или, другими словами, дискретности

этого процесса. Думается, найти объяснение этого явления, а также подметить определенные тенденции можно в ходе анализа эволюции (развития или деградации) базовых (системообразующих) институтов этих сообществ в пределах своих исторических циклов. Применяв принятую нами методологию вертикального «сканирования» эволюции объекта исследования в сочетании с горизонтальными «срезами» в различные исторические эпохи, не сложно обнаружить, как велико отличие институциональных основ различных человеческих цивилизаций, стран и регионов и как много у них общего.

Еще в III-II тысячелетии до нашей эры сложились государственные образования Древнего Востока – египетская деспотия, месопотамские государства, царство хеттов, Ассирии, Персии, древних государств Китая и Индии.

О высоком уровне государственных институтов того времени свидетельствует факт первого в истории мировой дипломатии «договора о ненападении» ряда древнекитайских государств перед лицом угрозы нападения гуннов в VI в. до нашей эры. Уникальным примером в этой связи является также организация практики отбора чиновников – мандаринов в Древнем Китае через систему письменных экзаменов. Уже тогда это был важный политический институт и неременный атрибут власти, обеспечивающий эффективную реализацию экономических механизмов (институтов) деятельности общества. В период правления императора Ханьской династии У Ди институционализировался и госсектор экономики: принадлежащие императорскому дворцу шахты, кузнечные цеха, солеварни, транспорт, кредитные учреждения. Тогда же впервые была введена единая денежная система¹¹. Все это в немалой степени повлияло на то, что к началу второго тысячелетия нашей эры Китай, в результате длительной институциональной эволюции, добился существенного превосходства над странами Западной Европы во многих сферах хозяйственной и культурной жизни. «Урожайность зерновых и подшеювое производство железа были в 3-5 раз выше, уровень урбанизации и ВВП в расчете на

душу населения в среднем в полтора-два раза превышали западноевропейские аналоги, а показатели грамотности, отражающие степень развития человеческого потенциала, на Востоке оказались в 5-10 раз выше, чем на средневековом Западе»¹².

К концу I тысячелетия н. э. (IX-X вв.) в Приднепровье в результате объединения восточно – славянских племен сложилось и древнерусское государство – Русь, расширявшее постепенно свое влияние на север и юго-восток континента в сторону Волги, побережья Каспия, Причерноморья и т. д. Приняв в период правления киевского князя Владимира на рубеже IX-X вв. крещение и создав общепринятые для того времени институты власти, бывшая до этого «языческой» Русь вышла на активное сотрудничество с «мировым сообществом» Средневековья. Своеобразием, т. н. народно-правовым нормами того времени на Руси было, например, «народное вече», прообраз современного референдума или городской думы.

Варварские государства, возникшие на обломках Римской империи, оказались непрочными в силу несовершенства экономических институтов – натурального хозяйства, отсутствия устойчивых экономических связей внутри них и за их пределами, эрозии финансовой системы. Все это привело к распаду крупных государственных объединений и на Западе и на Востоке. Так не избежали этой судьбы и самые крупные из них – империя Карла Великого и древнерусское государство, распавшиеся на множество отдельных княжеств и королевств. На рубеже IX-X вв. образовались, к примеру, Франция («Королевство западных франков»), Германия («Королевство восточных франков»), Италия, Бургундия и др.

Древнерусское государство также распалось на ряд удельных княжеств, легко ставших вскоре добычей Золотой Орды, на целых два с половиной столетия поработившей русский народ. После этого только XVI в., период зарождения денежного и товарного хозяйства и образования межрегиональных рынков, можно считать началом отсчета функционирования единого российского государства и его базовых институтов.

Таким образом, только в Средневековье сформировалась система сообществ на территории Европейского континента, или, как их условно определил А. Тойнби, «западнохристианские цивилизации», которые сохранили в основном свою государственность и поныне, что делает корректным сравнение их с точки зрения развитости и эволюции их базовых институтов, экономик и социумов в целом, оставив за рамками анализа цивилизации и страны, сошедшие с исторической сцены.

В период раннего Средневековья в Европе варвары вопреки расхожему и некомпетентному мнению тоже не все уничтожили из ранее достигнутого, а весьма эффективно применяли этот исторический опыт в дальнейшем для развития своих новых государственных образований, продемонстрировав заинтересованность в сохранении части институтов прежних социально-экономических систем. По существу, Средневековье – это эпоха формирования и развития рыночных институтов (часть из которых была заимствована у городов-государств и сошедших со сцены мировой истории цивилизаций). В этот период начинает нарастать влияние новых экономических, политических и социальных институтов после периода упадка (в Западной Европе, а на Востоке – у арабов и византийцев). «Именно это подготовило предпосылки для «нового старта» [1, с. 88].

Очевидно, первые экономические институты организованных сообществ (уже имевших набор элементарных социальных и политических институтов) образуются в результате осуществления торговых операций по реализации продукции земледельцев и ремесленников, вначале путем меновой торговли, а затем реализации уже излишков произведенного или закупленного за счет прибыли продукта. Закрепление, или, другими словами, институционализация этого порядка на систематической основе как рынка потребительских товаров совместно с повсеместным распространением денежного эквивалента меновой стоимости (институт денег) – важнейшие шаги к формированию рыночной экономики, имевшей продолжение в виде организации ремесленных цехов, торговых гильдий и

формирования нормативной базы их деятельности на внутренних и внешних рынках.

Деньги использовались в торговле издревле. Однако только теперь – в Средневековье стали активно использоваться для масштабных экономических акций, но не просто для обеспечения эквивалентности обменов («средство платежа»), но и для их планирования и реализации («мера стоимости»). Капитал стал фактором обеспечения эволюции рынка.

Важным признаком полноценного оформления поля базовых институтов человеческих сообществ становились, конечно, города, которые являли собою не только укрепленные сооружения с целью обороны и отражения нападения противников и место размещения административной власти территории с прислугой, но и полноценную инфраструктуру хозяйства, содержащую социальные, торговые, административные и др. элементы. Все это хозяйство требовало управления и обеспечения взаимодействия не только на основе традиционных правил общепития конкретного народа, имевшего определенные особенности, отличавшиеся от других народов и этносов, но и на основе писаных законов и правил – формальных институтов.

Еще один компонент экономического наследия той эпохи касается правовой области, основа которой была заложена законами Римской империи. А римляне «...по существу, они были ярко выраженными конституционалистами и в таком качестве придерживались правовых идей, которым свойственные торговле понятия собственности и контракта не были абсолютно чужды. Они были рожденными творцами законов» [1, с. 96].

Главные вопросы на первом этапе римского права касались отношений между собственниками земли, а также процедур передачи собственности наследникам. Практика показала, что пока нет институтов собственности, нельзя говорить о чьей-либо собственности. По мере расширения римского государства (≈ 200 г. до н.э.) при преобразовании одной из республик Центральной Италии в империю понадобилось значительно расширить рамки этих правовых норм. Это послу-

жило во многом важным фактором усиления мощи Римской империи. Для иллюстрации этой эпохи мы также находим блестящие образцы институционального строительства государства. Это трудовой договор трактирщицы, содержащий юридические термины (8 г. до н. э.), создание государственной пожарной охраны в Риме (1 г. н. э.), закон об обязательной регистрации ребенка в местных органах власти в течение 30 дней (161 г.) и др.

В Средние века «обновленное» право считалось все равно «римским», т. е. исторический авторитет последнего служил для него своеобразным сертификатом качества. Что еще более важно – это можно услышать и сегодня! Какова «живучесть» обстоятельно «сколоченных» и выверенных временем институтов!

Итак, права собственности и деньги – «таковы на деле два важнейших наследия древнего мира» [1, с. 98], воспринятые в полной мере средневековой Европой. Именно преемственность важнейших институтов социума обеспечила им более эффективное развитие по сравнению с другими государствами того времени, например, русским государством. В этом сказались асинхронность формирования институционального поля социально-экономических систем.

Этот вывод созвучен с выводами авторов работы, посвященной проблемам формирования институциональной среды различных государств, ее исторической обусловленности и «невозможности ее игнорировать при принятии решений о современных реформах» [13].

Интересно, что в современной Италии успешно функционирует Банк Флоренции «Monte de' Paschi di Siena», основанный еще в 1427 г. К тому же примерно периоду относится и организация рынков ценных бумаг (фондовых бирж). К примеру, на Амстердамской бирже торговали уже в 1630 г. Есть свидетельство о создании обществ с ограниченной ответственностью (ООО) с целью привлечения капитала инвестора за гарантию доли в прибыли. Это практически современный экономический институт, хотя уже имел место до Нового времени – эпохи промышленной революции.

Дополнением к необходимому «спектру» основополагающих экономических институтов средневековых государственных новообразований, обеспечивающих основные факторы производства, становился рынок труда. Известно, что «законы о наемном труде» были приняты, например, английским парламентом еще в период между 1350 и 1380 гг. В то же время работорговля как один из способов продажи работника «целиком» с услугами была отменена английскими законами только в 1806 г., а освобождение рабов в английских колониях произошло в 1833 г. (в США – в 1865 г.). Таким образом, Европа перешла на несколько веков раньше других регионов мира к рынку свободного труда, отменив рабство (как экономически невыгодный институт).

В отличие от Европы в связи с особенностями российского крепостного права, а также восточно-прусского и польского помещичьего хозяйственного уклада оно еще довольно долго было тормозом в развитии экономических отношений. Вследствие этого период формирования т. н. промышленной революции и рыночных отношений, последовавших за отменой крепостного права, развертывание экономической инициативы раскрепощенного населения (кустарная, ремесленная деятельность и т. д.) происходили в России практически одновременно, в отличие от западных стран, где эти процессы вызревали в естественной среде, приобретая все более апробированные, а потому все более оптимальные и завершенные формы. Таким образом на Западе – кустарное производство, ремесленничество (сродни торговле) были в отличие от России «ровесниками рынка».

Наличие статистических данных, касающихся макроэкономических показателей экономик различных стран в Новое и Новейшее время (с XVIII в. и до наших дней), позволяет обеспечить верификацию получаемых результатов исследования трансформации СЭС, в основе которого лежит историко-экономическая реконструкция и структурно-динамическое моделирование эволюционных процессов.

Таблица 1. Матрица институционального воздействия на факторы экономического роста

Институт, j	институты социальные I						институты политические II						институты экономические III						Индикатор (уровень эффекта)
	1		2			j			n				
	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я	Форм. огран-я	Неформ. огран-я			
1	x'_{11}	x''_{11}	x'_{12}	x''_{12}	x'_{1j}	x''_{1j}	x'_{1n}	x''_{1n}	$\prod_{j=1}^n x'_{1j} x''_{1j}$	
2	x'_{21}	x''_{21}	x'_{22}	x''_{22}	x'_{2j}	x''_{2j}	x'_{2n}	x''_{2n}	$\prod_{j=1}^n x'_{2j} x''_{2j}$	
...	
i	x'_{i1}	x''_{i1}	x'_{i2}	x''_{i2}	x'_{ij}	x''_{ij}	x'_{in}	x''_{in}	$\prod_{j=1}^n x'_{ij} x''_{ij}$	
...	
m	x'_{m1}	x''_{m1}	x'_{m2}	x''_{m2}	x'_{mj}	x''_{mj}	x'_{mn}	x''_{mn}	$\prod_{j=1}^n x'_{mj} x''_{mj}$	
Индикатор эффекта	$\prod_{i=1}^m x'_{i1} x''_{i1}$		$\prod_{i=1}^m x'_{i2} x''_{i2}$		$\prod_{i=1}^m x'_{ij} x''_{ij}$		$\prod_{i=1}^m x'_{in} x''_{in}$		$\prod_{i=1}^m \prod_{j=1}^n x'_{ij} x''_{ij}$	

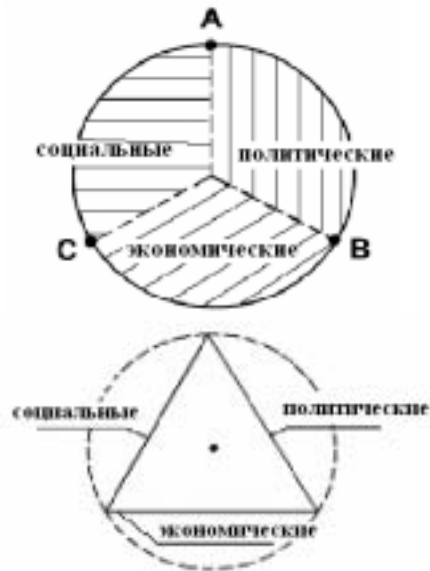
III. Структурно-динамическое моделирование трансформации институциональных матриц

Теоретико-методологическим исследованиям трансформации социально-экономических систем в последние два десятилетия посвящено довольно много научных работ. Расширение методологических основ и инструментариев экономической и ряда других «сопрягаемых» наук (см. раздел 1) позволяет не просто углубить знания в этой области, диагностировать состояние и процессы функционирования и эволюции сложных динамических систем, но и «находить предпочтительные варианты их структурных преобразований, используя при этом специально созданные информационные технологии и (в ряде случаев) и формализованные модели» [14].

При всем многообразии целеустановок в исследовании социально-экономических систем императивом научного поиска современных экономистов, в том числе российских, является выявление оптимальных моделей, обеспечивающих их устойчивое развитие. При этом чаще всего устойчивое развитие понимается как стабильное наращивание макроэкономических показателей в результате воздействия определенных факторов роста. Вместе с тем сами они, как известно, также не являются константами в условиях

Рисунок 1. «Пирамида» социума на институциональной основе

а) идеальное институциональное поле;
б) упрощенная модель
Рисунок 2. Модель институционального поля социума

переходных экономик и в многочисленных регрессионных моделях определяются сложными эмпирическими зависимостями или экспертно на основе статистических данных по разным странам и регионам. Однако практически нигде мы не встретим ни четкого определения собственно «устойчивости» социально-экономических систем в динамике развития, ни тем более обоснования механизмов ее обеспечения.

Методология институционализма в какой-то мере позволяет восполнить этот пробел, поскольку предполагает изучение социума не только в его абстрактно-застывшей фазе, но в эволюционирующем движении с учетом path dependence (памяти прошлого). Это делает возможным предположить направление вектора дальнейшего развития исследуемой системы.

Для полного понимания глубинных причин несоответствия разных социально-экономических систем нужно знание (историческое!) их базовых основ – институциональной матрицы, находящейся в основании «пирамиды» социума и соединяющей воедино триаду – экономику, политику (государство) и социальную сферу (см. рис. 1).

Междисциплинарный подход, основанный на исследованиях с позиций экономики, истории, социологии, философии, убедитель-

но доказывает, что базовые институты, лежащие в основе пирамиды различных социально-экономических систем, различны, как не существует в мире двух абсолютно идентичных людей. Посему модное ныне клонирование не приемлемо для системных макрорегенераций, иными словами – универсальных моделей экономического роста, пригодных для всех стран мира в одинаковой степени, нет и быть не может.

Это подтверждает и история мировых цивилизаций, и отдельных социально-экономических систем (стран), базирующихся на различной институциональной основе. Таким образом, для каждой социально-экономической системы характерна собственная траектория развития, обусловленная свойственным лишь ей институциональным полем, «сложенным» из «первокирпичиков» – институтов, классифицированных нами ранее в разделе 1.

Взаимодействие всех этих разноуровневых институтов, отражающих дуалистическую природу как любого общественно-экономического явления, так и индивидуального выбора, определяет институциональную матрицу или, по выражению Д. Норта, «совокупную институциональную систему, присущую данному обществу», которую можно представить в виде таблицы (табл. 1).

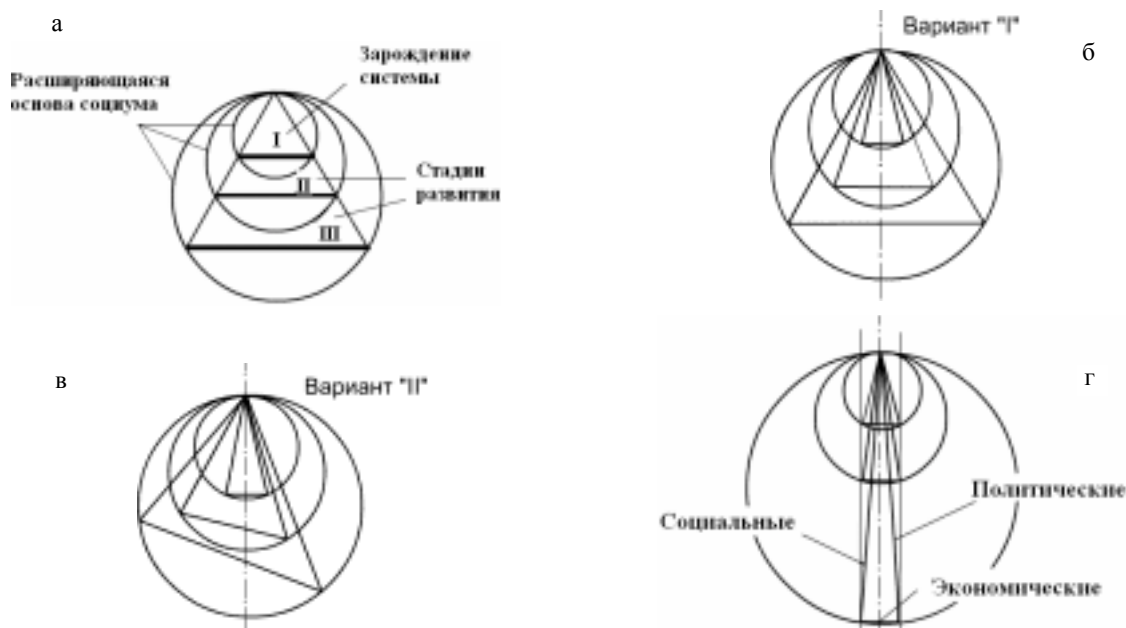

Рисунок 3. Динамика развития базовой институциональной матрицы СЭС

Институциональное поле, лежащее в основании «пирамиды» социума, схематично можно представить в виде круга – идеальной основы, «сотканной» из базовых институтов (рис. 2а). Однако, поскольку ни весь мир, ни его отдельные составляющие – социально-экономические системы (страны) далеко не идеальны, упрощенная модель институциональной матрицы может быть представлена в виде равностороннего треугольника (рис. 2б). Однако и она соответствует реальной картине лишь теоретически, ибо история не знает пока идеальных систем, в которых экономические, политические и социальные институты были бы столь гармонично уравновешены.

Рассмотрим динамику этих систем в общем виде. Представим базовую институциональную матрицу социально-экономической системы с гармоничным развитием триады базовых институтов в динамике ее эволюции (см. рис. 3а).

Реальная эволюция системы, естественно, отлична от идеала и может развиваться, например, по «сценарию», представленному на рис. 3б и 3в. Приведенные примеры схематического моделирования эволюции институциональных матриц, приводящих к разной степени устойчивости «надстройки», свидетельствуют, что развитие базовых институтов любой социально-экономической системы должно идти одновременно и по возможности гармонично, а не так, как показано на рис. 3г, когда «торможение», к примеру, экономических институтов неизбежно приведет к «обрушению» всего каркаса «пирамиды социума», т. е. разрушению системы (государства).

Развитие институциональной матрицы СЭС в исторической ретроспективе схематично можно представить так, как показано на рис. 4.

Зародившись на основе социальных институтов равенства и братства (ранней демократии), затем институтов государственности для управления обществом и, наконец, институтов экономики (рис. 4а), институциональная матрица трансформируется в зависимости от условий конкретной исторической эпохи (ею же отчасти и трансформируемой!) и

проходит различные стадии сочетания социальных, политических и экономических институтов (рис. 4б). При этом каждая страна проходит свой путь, отличный от другого. Подлинного расцвета государство может достигнуть при оптимальном, т. е. взаимоуравновешивающем и гармонично дополняющем друг друга соотношении между институтами: социальными, политическими, экономическими (при этом геометрически, по всем базовым осям, матрица симметрична) (рис. 4в).

Подавляющее большинство стран мира или не достигают этого оптимума из-за несовершенства институциональной инфраструктуры или экзогенных воздействий, или проходят эту стадию очень быстро, не закрепившись на «пике совершенства». Действительно, как гласит древневосточная мудрость: труднее удержаться на вершине, чем достичь ее.

Известны и другие «сценарии» трансформации институциональных матриц. Так на рис. 5 схематично представлена деграда-

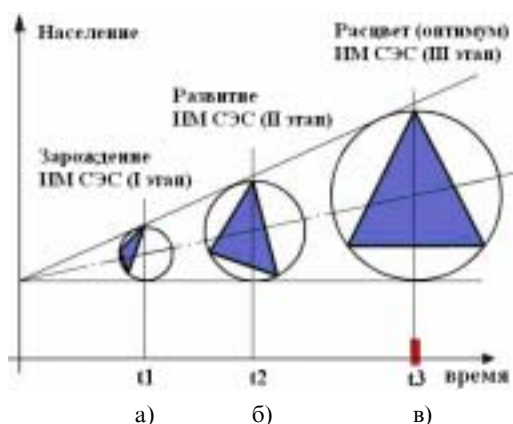

Рисунок 4. Развитие институциональной матрицы социально-экономической системы а) зарождение ИМ СЭС (I эт.); б) развитие ИМ СЭС (II эт.); в) расцвет (оптимум) ИМ СЭС (III эт.)

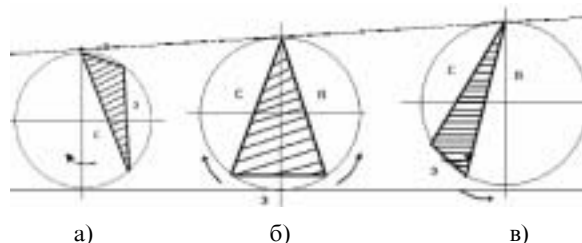

Рисунок 5. Неоптимальная трансформация институциональной матрицы СЭС (на примере России-СССР) а) ~ 1914-1917 гг.; б) ~ 1965-1970 гг.; в) ~ 1990-1991 гг.

ция институциональной матрицы вследствие «перекосов» в формировании отдельных институтов и, как следствие, доминирования одного институционального блока над другим. Такая ярко выраженная асимметрия институциональной матрицы может служить причиной нестабильности всей системы и даже привести к ее разрушению. Это и произошло в нашей стране в 1917 и 1991 гг., приведя к смене как общественно-политического строя, так и экономического уклада. Только если в первом случае «формально» (исходя из схемы на рис. 5а) это произошло вследствие доминирования социальных институтов (демократизация общества, доведенная до анархии) над институтами государственной власти при достаточно развитой экономике Российской империи, то во втором – вследствие слабости экономики при сильном доминировании государственной (партийной) власти в период позднего СССР.

Однако СЭС – это «самонастраивающаяся», самоорганизующаяся система. Об этом свидетельствует тот факт, что последовавшие за обеими революциями события, как мы знаем, «исправили» ситуацию: после 1917 г. усилилась роль государства (политических институтов) в формировании институциональной основы социума, а после 1991 г. – «институциональный маятник» устремился в другую сторону и обеспечил развитие экономических институтов.

При этом очевидно, что если бы СССР, оказавшись в более-менее оптимальной точке (рис. 5б), пошел по пути реального накопления эффективности экономических ин-

ститутов («косыгинские» реформы и др.), т. е. увеличивая составляющую *Эи*, – сегодня наша страна, скорее всего, была бы качественно иной – самодостаточной и авторитетной ведущей мировой державой.

Следует отметить, что приведенный схематический анализ устойчивости социально-экономических систем через призму трансформации основания «пирамиды» социума – институциональной матрицы необходим для большего понимания причинно-следственных связей, обуславливающих ее эволюцию и возможные векторы дальнейшей траектории движения. Безусловно, использование инструментария математического моделирования позволит приблизиться к количественным оценкам влияния трансформации институциональных матриц на устойчивость и развитие мировых социально-экономических систем.

Проблема генезиса и трансформации социально-экономических систем в контексте общемирового развития сегодня все чаще находит отражение в исследованиях известных российских и зарубежных ученых.

Важный шаг в этом направлении в части научного обоснования механизмов формирования и трансформации институциональных систем в условиях современности был сделан в трудах Г. Клейнера [15]. Изложенная автором концепция эволюции институциональных систем, основанная на системном многоуровневом подходе к институтогенезу и транзакционному анализу взаимодействия факторов и институтов социума, выводит исследования трансформации

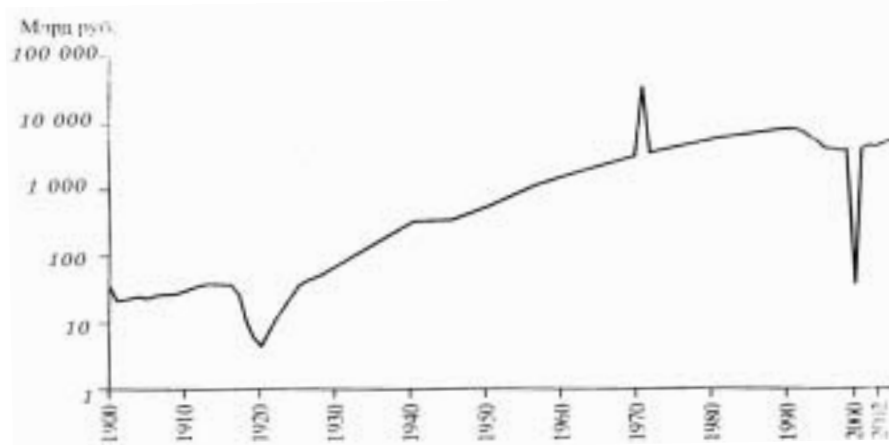

Рисунок 6. Рост валового внутреннего продукта

онных процессов СЭС на качественно новый уровень.

Для оценки построенных нами качественных моделей, верификации результатов их анализа и прогнозов, касающихся дальнейшей эволюции систем, приведем данные других известных исследований. Так в фундаментальной работе, посвященной исследованию процессов, связанных «с транзитными состоятельными в жизни социальных систем» [16], приводятся результаты исследования динамики базовых параметров российского государства за всю его многовековую историю. При этом предлагаемый авторами полипараметрический метод обладает большой наглядностью и позволяет с помощью энниграмм делать сравнительный анализ состояния социально-экономических систем, выявляя стратегические векторы развития и достижения конкурентных преимуществ. Методология исследования, принятая в указанной работе и основанная на системно-синергетической теории (И. Пригожин), в приложении к эволюционной динамике российской цивилизации дает богатейший материал для компаративного анализа.

Еще одно уникальное исследование, в котором представлено и описано огромное множество таблиц и графиков, представляющих исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы России за 100 лет (1900-2000 гг.), позволяет «сверить» за обозримый период полученные результаты исследования с фактическими параметрами системы [17]. Важным является то, что масштабный аналитический материал данной монографии представляет динамическую картину трендов и циклов экономического роста страны и его составляющих: промышленного потенциала и социальной сферы, а также взаимосвязь важнейших историко-экономических событий и факторов в мире и в России, имевших место в XX столетии. Интересен в этом смысле, с точки зрения корреляции с отмечавшимися ранее тенденциями в динамике трансформации экономических институтов российского государства, график роста ВВП за столетие (рис. 6), в т. ч. темпы роста ВВП (см. табл. 11.1 в кн.) [18].

Здесь хорошо просматривается (при оценке этих показателей для периодов без войн и мобилизационных пятилеток индустриализации), что экономические институты государственной протекционистской политики (до 1914 г.) обеспечивали практически от 3 до 6% годового прироста ВВП (это в преимущественно аграрной стране); в пятидесятые годы XX в., отмеченные небывалым энтузиазмом советского народа во всех сферах деятельности, – свыше 10,5%, а в 1960-1970-е гг. – 7,0% ежегодного прироста валового продукта. Последний пример наиболее интересен, ибо он отражает наметившуюся было долговременную тенденцию устойчивого экономического роста и развития одной из ведущих индустриальных держав мира. «Реформа 1965 г. отдала хозрасчетным ценам полную власть над планом. После того народное хозяйство оставалось плановым лишь номинально» [19]. Но нереализованные возможности в сфере эффективного управления экономикой затормозили развитие страны (годовой прирост ВВП снизился в 1970-1990-е гг. в среднем до 4,6%). Однако это было фактически не что иное, как традиционное для советской системы замещение или подавление экономических институтов политическими и идеологическая зашоренность руководящей верхушки страны, не позволившая разглядеть в «хозрасчете» эффективные экономические механизмы.

Именно об этом периоде как об одном из самых выдающихся в нашей истории говорится в исследовательских документах ЦРУ: «Советский ВВП в 1976 г. составлял, согласно анализу ЦРУ, 60% американского ВВП, потребление на душу населения – 37%, расходов на оборону и космос – 136% уровня США. Советский ВВП уже достигал 49% американского ВВП в 1960 г., а в 1983 г. снизился до 55%, потребление на душу населения составляло в 1983 г. треть уровня США. Соотношения СССР – США поднимаются к пику около 1970 г., выравниваются в 1970-е гг. и устойчиво падают в 1980-х гг.» [20].

Весь дальнейший исторический период эволюции страны проходил под знаком снижения темпов роста основных экономических показателей при наращивании полити-

ческих амбиций партноменклатуры и социальной напряженности среди населения. Исторический шанс был упущен. Понимание этого пришло позже: через трагедию распада СССР, деградацию экономики, многократную смену экономического курса, правительственные кризисы, унижительное снижение международного авторитета страны и др. Только теперь, практически через полтора десятка лет, «институциональный маятник» вновь выводит систему на режим оптимального соотношения ее системообразующих элементов и их функционирования.

Этот эффект перехода к новому состоянию системы мы можем отнести к ее трансформации (самоорганизации) вследствие резонансного возбуждения «дремавшего летаргическим сном» около 80 лет аттрактора системы – рыночной компоненты экономики в сочетании с демократическими социальными институтами. Источником этого «возбуждения» можно считать отмеченный выше фактор неудачной реализации хозрасчетного механизма и последовавшее за этим торможение экстенсивно-ориентированной экономики. Это вызвало усиление флуктуаций в среде системообразующих элементов, их резонансные колебания и хаос (в прямом и научном смысле), закончившийся известными событиями 90-х годов XX века. При этом социально-экономическая система российского государства, пройдя точку бифуркации, перешла в новое динамическое состояние, т. е. в данном случае «самонастроилась» на новые координаты глобализирующегося мира рубежа XXI века. Произошла трансформация институциональной основы СЭС – ее базовых институтов, в ходе которой политические институты, доминировавшие до этого в системе, разрушились в результате резонансного «колебания» системы, уступив поле социальным и экономическим.

Но притяжение «экономического аттрактора» системы было не случайным, а закономерным (и в этом суть наших научных выводов), ибо система, вошедшая в резонанс, переносит центр тяжести именно в сторону дефицитного фактора ее равновесного состояния с целью стабилизации базовой основы и обеспечения устойчивости всей системы.

Еще одна научная работа, использующая методологию многогранного структуралистского анализа для всестороннего исследования мировых революций «от Кромвеля до Путина» [21], также косвенно подтверждает наши выводы о корреляционной зависимости трансформации базовых институтов СЭС. Авторы устанавливают связь между базовыми институтами социума и отмечают, что «зачастую предвестником революции оказывается период быстрого экономического развития, который «подрывает основы традиционной социальной структуры» и приводит к расколу элиты по социальным, политическим и экономическим интересам, перераспределению богатства и возникновению новых, «уполномоченных экономикой» игроков на общественном поле. Проистекающая из этого «фрагментация» общества, расхождение политических и экономических интересов и появление новых «социальных сил» становятся главной причиной эрозии государственных структур в предреволюционный период [22].

Заключение

Таким образом, знание соотношения базовых институтов системы, а также ее динамического состояния на основе историко-экономической реконструкции ее эволюции предоставляет возможность делать заключения прогностического характера относительно возможных векторов дальнейшего развития исследуемых социально-экономических систем.

Конечно, нелинейная динамика трансформации социально-экономических систем неизбежно вызывает эффект «горизонта предсказуемости» из-за сложности, эмпиричности или невозможности построения регрессионных моделей трансформации. Но, тем не менее, как справедливо замечает автор работы, посвященной проблемам эволюции региональных СЭС, «многие характеристики исследуемых процессов могут быть предсказаны, и почти всегда можно дать «слабый прогноз», т. е. ответить на вопрос: чего не произойдет в данной системе»²⁶.

Задача заключается в том, чтобы, используя, к примеру, методологию компара-

тивистики и клиометрики, «проиграть» возможные варианты развития событий с изменением институциональных матриц различных СЭС.

Список использованной литературы:

1. Хикс Дж. Теория экономической истории. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Р.М.Нуреева. – М.: НП «Журнал «Вопросы экономики», 2003.
2. Введение в институциональную экономику: Учебное пособие / Под ред. Д.С. Львова. – М.: «Экономика», 2005. С. 165-166.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. – 308 с.; Дегтярев А.Н. Институциональные основы развития малого предпринимательства в XIX – XX вв. / УТИС – Уфа, 2001. – 300 с.; Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. ЦЭМИ РАН. – М.: Наук, 2004. – 240 с. («Экономическая наука современной России»).
4. Т. Веблен. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
6. Введение в институциональную экономику: Учебное пособие / Под ред. Д.С. Львова. – М.: Изд. «Экономика», 2005. С. 224-225.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. №2. С. 38-52; Гамаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории. – 1994. №2. С. 99-113; Берсенев В.Л., Горст А.П., Шульгина Е.А. Компаративный клиометрический анализ эволюции региональных социально-экономических систем: теоретико-методологические аспекты // Экономика региона. – Институт экономики Ур О РАН. – 2005. №2. С. 23-36; Вернер Р. Особенности самоорганизации социально-экономических систем // Экономическое возрождение России. – 2005. №1, №3.
8. Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь В.О. Институциональные проблемы функционирования и преобразования экономики России // Экономическая наука современной России. – 1999. №1.
9. Фролов С.С. Основы социологии. – М.: Юрист, 1997. – С. 143.
10. Орлов Б. Европа с человеческим лицом. Социокультурные аспекты европейской цивилизации // Мировая экономика и международные отношения. М. – 2005. №12. С.67.
11. Бизаге А. Государственный сектор и приватизация. М.: Композит, 1996. С.5.
12. Мельянцева В.А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. – В сб.: Экономика развивающихся стран (сб. статей памяти В.А.Яшкина) / Ин-т востоковедения РАН. Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Гуманитарий, 2004. С. 112.
13. Градов А.П., Иванова Е.А., Гуптман С.С. Экономические порядки и институциональная среда национальной экономики // Экономическая наука современной России. – 2003. №1. С. 37.
14. О многолетнем опыте и результатах исследований в этой сфере ученых Института системного анализа РАН сообщается в статье: Швецов А., Андреева Е. Управление социально-экономическими системами: развертывание методолого-теоретических и прикладных исследований // Российский экономический журнал. – 2003. №3. (С.55-80).
15. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. ЦЭМИ РАН М.: Наука (Экономическая наука современной России), 2004. – 240с.
16. Россия в пространстве и времени / Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. – М.: Институт экономических стратегий, 2004.
17. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900-2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы – М.: Наука, 2006.
- Об этой книге академик РАН Д.С.Львов написал: «Представляя в общем виде знаковые экономические события века, объединяя их по признакам причинных связей, группируя их по эпохам и периодам различных правлений, в книге нарисована мощная картина развития России в XX в., взглядов, поворотов и изломов страны, обретений и потерь в истекшем столетии, которая подчас больше и глубже объясняет суть всего того, что случилось с Россией в XX в., чем целые нагромождения исторических изданий и общих рассуждений о кривых путях и тернистых судьбах нашего Отечества за весь период его многотрудного исторического бытия».
18. Там же. Рис. 18 на с. 526 и табл. 11.1 на с. 332-324.
19. «Косыгинская реформа»: Итоги и уроки // Экономист. – М., 2004. №4. С. 50.
20. Советская экономика 1947-1991 г. по аналитике ЦРУ (из экономической истории) // Экономист. – М., 2004. №12. С. 53-54.
21. Стародубровская И., Мау В. Великие революции: от Кромвеля до Путина. Второе исправленное и дополненное издание. М.: Вагриус, 2004.
22. Арон Л. Идеи революций и революционные идеи (о книге И. Стародубровской и В.Мау «Великие революции: от Кромвеля до Путина») // Вопросы экономики. – М.: 2005. №11.
23. Берсенев В.Л., Горст А.П., Шульгина Е.А. Компаративный клиометрический анализ эволюции региональных социально-экономических систем: теоретико-методологические аспекты // Экономика региона. – Институт экономики Ур О РАН. – 2005. №2. С. 34.

26.01.07 г.